
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL LAW MEASURES OF CRIME COUNTERACTION

УДК 343.575

DOI [10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).475-482](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).475-482)

СЛОЖНОСТИ В ПОНИМАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

А.Г. Кибальник

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

31 марта 2015 г.

Дата принятия в печать

6 июля 2015 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2015 г.

Ключевые слова

Уголовный кодекс Российской Федерации; преступления против порядка управления; объект преступления; криминализация; пределы насилия; незаконная миграция; самоуправство

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемных вопросов, связанных с пониманием преступлений против порядка управления. Преступления против порядка управления в российской доктрине уголовного права традиционно рассматриваются в основном с позиции изучения преступлений против лиц, осуществляющих и обеспечивающих законную управленческую деятельность. Также популярной темой является изучение самоуправства. В то же время существуют различные подходы к определению самой системы преступлений против порядка управления, серьезно изменившейся в последние годы. Автор учел достижения российской доктрины уголовного права, сформулированные в специальных диссертационных исследованиях. В итоге автором были сделаны следующие выводы:

1. Основным непосредственным объектом преступлений против порядка управления являются общественные отношения и интересы, связанные с обеспечением конкретных видов государственного управления.
2. В систему преступлений против порядка управления входят: а) посягательства на лиц, осуществляющих и обеспечивающих законную управленческую деятельность; б) посягательства на неприкосновенность государственной границы и порядок легального пребывания на территории РФ; в) посягательства на установленный порядок оборота официальной документации, государственных наград и средств идентификации; г) иные посягательства на порядок управления.
3. В настоящее время существует избыточная криминализация посягательств на порядок управления.
4. Имеется необходимость законодательного оформления круга близких лиц как потерпевших от насильственных преступлений против порядка управления.
5. Требуется определение пределов насилия, в частности, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего всегда должно квалифицироваться по совокупности со ст. 318 УК РФ.
6. В рассмотрении нуждаются спорные вопросы, связанные с пониманием организации незаконной миграции, самоуправства и некоторых других преступлений против порядка управления.

THE COMPLEXITY OF UNDERSTANDING CRIMES AGAINST THE ORDER OF GOVERNANCE

Aleksey G. Kibalnik

North-Caucasus Federal University, Stavropol, the Russian Federation

Article info

Received

2015 March 31

Accepted

2015 July 6

Available online

2015 September 30

Abstract. The paper is devoted to the much-debated issues of understanding crimes against the order of governance. Russian law doctrine traditionally treats crimes against the order of governance as those committed against the persons who carry out and provide for legal governance activities. Another popular topic is the study of arbitrariness. At the same time, there exist different approaches to determining the very system of crimes against the order of governance, which has undergone considerable changes in recent years. In this research the author summarizes the progress made by Russian law doctrine and presented in special dissertation theses. The author comes to the following conclusions:

1. The key immediate object of crimes against the order of governance are public relations and interests connected with the provision of specific types of state governance.

Keywords

The Criminal Code of the Russian Federation; crimes against the order of governance; object of crime; criminalization; limits of violence; illegal migration; arbitrariness

2. The system of crimes against the order of governance includes: a) encroachment upon the persons who carry out and provide for legal governance activities; b) encroachment upon the integrity of the border and the procedure of legally staying on the territory of the Russian Federation; c) encroachment on the established order of turnover for official documentation, state awards and identification tools; d) other encroachments on the order of governance.

3. At present there is an excessive criminalization of encroachment upon the order of governance.

4. There exists a need for a legislative recognition of «close persons» as victims of violent crimes against the order of governance.

5. It is necessary to determine the limits of violence, thus, infliction of grave harm to a victim's health should always be qualified accumulatively with Art. 318 of the Criminal Code of the Russian Federation.

6. More attention should be paid to the disputable issues of the organization of illegal migration, arbitrariness and some other crimes against the order of governance.

Прежде всего, надо сказать, что в отечественной уголовно-правовой доктрине предложено несколько определений преступлений против порядка управления, однако разница между ними несущественна и носит преимущественно терминологический характер. Исходя из смысла положений уголовного закона, в целом *преступление против порядка управления* можно определить как виновно совершенное общественно опасное деяние, посягающее на установленный порядок государственного управления, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. Отмечу, что в гл. 32 УК РФ собраны довольно разнородные составы преступлений, что отрицательно сказывается на их теоретическом понимании и (что гораздо важнее) на единообразном применении норм об этих преступлениях. Позволю себе остановиться на тех трудностях в понимании некоторых преступлений против порядка управления и их системы, которые, на мой взгляд, имеют принципиальное значение.

1. В специальной литературе острый характер приобрела дискуссия относительно понимания видового и непосредственного объектов этих преступлений, поскольку именно они, как правило, кладутся в основу классификации самих преступлений против порядка управления. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой *видовым объектом* преступлений, предусмотренных гл. 32 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную законную управленческую деятельность органов государственной исполнительной власти и местного самоуправления. На основе такого определения видового (у ряда авторов — группового) объекта в доктрине обычно предлагает-

ся говорить о существовании трех видов (групп) преступлений против порядка управления:

а) посягательства на субъектов управленческой деятельности (в западной уголовно-правовой доктрине данного рода посягательства изучаются в русле нападения на полицейских [1–5] либо в целом на представителей власти [6]);

б) посягательства на предметы управленческой деятельности;

в) посягательства на содержание управленческой деятельности [7, с. 9].

Исходя из того обстоятельства, что объектом преступления необходимо признавать не только общественные отношения, но и общественные интересы [8, с. 324–325], полагаю, что *основным непосредственным объектом* преступлений против порядка управления являются общественные отношения и интересы, связанные с обеспечением конкретных видов государственного управления, на которые направлено преступное посягательство. При этом под государственным управлением следует понимать специальный вид государственной деятельности, заключающийся в информационном, организационном, регулятивном, охранительном воздействии субъектов управления на личностное, коллективное и общественное поведение. Такой вид государственной деятельности, как обеспечение порядка управления, должен основываться на силе государственного принуждения и сам по себе выражаться в форме государственно-властных отношений [9, с. 10].

2. В литературе предложено немало классификаций преступлений против порядка управления, при этом в работах последнего времени наблюдается склонность ко все большему «дроблению» видов таких преступлений [10, с. 10–11].

Полагаю, что в зависимости от понимания конкретного содержания непосредственного объекта все преступления против порядка управления можно разделить на четыре вида:

а) преступления против лиц, осуществляющих и обеспечивающих законную управленческую деятельность (ст. 317–321 УК РФ);

б) преступления против неприкосновенности государственной границы и порядка легального пребывания на территории РФ (ст. 322, 323 УК РФ);

в) преступления против установленного порядка оборота официальной документации, государственных наград и средств идентификации (ст. 324–327¹ УК РФ);

г) иные преступления против порядка управления (ст. 328–330 УК РФ).

Статьи гл. 32 УК РФ отличаются высоким уровнем *бланкетности* (как явной, так и скрытой), что обусловлено обширной нормативно-правовой базой, к которой отсылают данные нормы, — в этом выражается взаимосвязь уголовного законодательства с иными отраслями права (в первую очередь конституционным и административным). По существу, для правильного применения каждой статьи о преступлениях против порядка управления необходимо обращаться к внешним правовым источникам.

3. Надо отметить, что разнообразие и изменчивость конкретных функций государственного управления порождают многочисленные изменения гл. 32 УК РФ. Например, Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ в УК РФ были введены ст. 322² и 322³, посвященные противодействию фиктивной регистрации граждан РФ и иностранцев по месту пребывания или по месту жительства в России, а также фиктивной постановке на учет иностранцев и апатридов по месту пребывания в РФ. Такая избыточная законодательная активность получила резкую критику в литературе: по справедливому мнению авторитетных авторов, имеет место излишняя криминализация в отношении тех деяний, которые должны оставаться в поле зрения административной юрисдикции и не обладают признаком общественной опасности как необходимого условия криминализации [11, с. 71–72]. Данный тезис касается прежде всего составов, имеющих «аналоги» в сфере административной юрисдикции, — все эти деяния должны быть декриминализованы и перемещены в КоАП РФ.

4. При квалификации преступлений против лиц, осуществляющих и обеспечивающих законную управленческую деятельность, наибольшие проблемы вызывают вопросы, связанные с определением субъектного круга потерпевших и границ примененного насилия.

Пожалуй, один из наиболее спорных вопросов — определение круга *близких* лиц как потерпевших применительно к ст. 317 и 318 УК РФ. В силу п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1999 г. № 1 к близким потерпевшему лицам наряду с супругом и близкими родственниками относятся иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. В специальной литературе активно отстаивается позиция, согласно которой данное судебное правило должно быть применимо к положениям ст. 317 и 318 УК РФ [12, с. 10]. Думаю, что решение этой проблемы заключается в законодательном оформлении круга близких применительно ко всем нормам УК РФ, как это сделано в УПК РФ.

Кроме того, в судебной практике имеются проблемы, связанные с определением *видов деятельности* потерпевшего по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, в связи с которой (либо по мотиву мести за которую) и совершается преступное посягательство. Надо отметить, что Верховный Суд РФ в решениях по отдельным делам сформулировал ряд заслуживающих внимания критериев определения такой деятельности.

Например, в 2003 г. в приговоре одного из областных судов указывалось, что преступление совершено «в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности». Потерпевший С. являлся оперуполномоченным отдела уголовного розыска, однако суд пришел к выводу о том, что оперативно-розыскная деятельность «к деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности не относится», поэтому С. потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, являться не может. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ постановила, что данный вывод нельзя признать правильным по следующим основаниям. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-

розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ оперативно-розыскная деятельность есть вид деятельности, осуществляемый оперативными подразделениями государственных органов посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты прав и свобод граждан, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Следовательно, оперативно-розыскная деятельность является деятельностью по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, а лица, ее осуществляющие, признаются потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2004 г. № 72-О04-6).

Также в доктрине предлагалось отнести к перечню защищаемых в ст. 317 и 318 УК РФ лиц дружинников и «иных лиц, выполняющих функции по охране общественного порядка и общественной безопасности» [10, с. 11]. Данное предложение не нашло значимой поддержки, поскольку перечень субъектов правоохранительной деятельности стал бы крайне неопределенным.

Применительно к ст. 318 УК РФ наибольшие трудности возникают с определением *пределов насилия*, учиненного в отношении представителя власти. В литературе высказывались многочисленные предложения о законодательном определении таких понятий, как «насилие, опасное для жизни или здоровья» и «насилие, не опасное для жизни или здоровья», применительно ко всем статьям УК РФ. При этом под насилием, не опасным для жизни или здоровья, обычно понимаются «побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы». В свою очередь, под насилием, опасным для жизни или здоровья, предложено понимать насилие, которое «повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности» [13, с. 10–11].

Данное предложение само по себе заслуживает внимания (особенно в плане легального определения пределов насилия примени-

тельно ко всему УК РФ), но вызывает некоторое несогласие.

Во-первых, разница между «юридической тяжестью» тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью потерпевшего настолько очевидна, что не позволяет объединить их все в один признак; в противном случае будет нарушена логика дифференциации уголовной ответственности в зависимости от тяжести наступивших последствий. Во-вторых, с учетом формально-логического понимания признака «насилие, опасное для жизни или здоровья» и причинения тяжкого вреда здоровью при совершении разбоя (ч. 1 и п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ) максимальный объем такого насилия может быть выражен в умышленном причинении вреда здоровью средней степени тяжести. Поэтому умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при применении насилия в отношении представителя власти требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ.

5. Одним из наиболее обсуждаемых вопросов является расположение в гл. 32 УК РФ ст. 313, 314, 314¹ и 321. По мнению ряда авторов, преступления, нарушающие порядок исполнения наказания и процессуального принуждения в виде изоляции от общества, не относятся к числу преступлений против порядка управления. Основным непосредственным объектом таких преступлений предлагается считать общественные отношения и интересы, связанные с правомерной деятельностью органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы и ареста, а также меры процессуального принуждения в виде задержания и заключения под стражу. Кроме того, данные преступления совершаются лицами, на которых возлагается определенная правовая обязанность по отбыванию наказания, нахождению под мерой пресечения или административным надзором либо по принудительному лечению. Соответственно, в литературе высказаны идеи об объединении указанных преступлений в самостоятельную главу «Преступления против порядка исполнения уголовного наказания» [14, с. 6–7], а также о переносе перечисленных статей УК РФ в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия» [15, с. 8].

6. Настоящий бум специальных исследований в отечественной науке посвящен противодействию нелегальной миграции и связанным с ней проявлениям криминальной активности.

В большинстве работ подчеркивается, что «незаконная миграция выступает в качестве одной из наиболее существенных детерминант международной преступности в ее наиболее прибыльной сфере». Авторы единодушны в том, что по уровню доходности бизнес, обеспечивающий незаконное перемещение мигрантов, занимает третье место после контрабанды наркотиков и оружия. Незаконная миграция поэтапно превратилась в «отлаженный криминальный бизнес» с «разветвленной структурой, миллионным количеством вовлеченных лиц и огромным оборотом финансового капитала». Исследователи практически единодушны в том, что организаторы незаконной иммиграции на территорию нашей страны используют существующий спрос именно на нелегальные трудовые ресурсы. При этом на территории России и сопредельных государств (преимущественно стран «исхода» незаконных мигрантов) функционирует сложная «индустрия» обеспечения организации незаконной миграции на территорию РФ и в государства — члены Европейского союза, «системно взаимосвязанная» с криминальным бизнесом (торговля людьми, незаконный оборот наркотиков, использование рабского труда), террористической и экстремистской активностью, а также теневыми экономическими, политическими и иными отношениями [16, с. 8–9].

В системе социальных проявлений, связанных с незаконной миграцией, предложено выделить: а) собственно незаконную миграцию, а также незаконное пересечение Государственной границы РФ; б) общеуголовную преступность мигрантов; в) организованную «национал-этническую» преступность мигрантов; г) преступность террористического и экстремистского характера; д) наркобизнес; е) торговлю людьми [17, с. 2–4].

Таким образом, характеризуя явление незаконной миграции, практически все авторы поддерживают ее криминализацию и признают ее способность порождать различные виды преступности [18, с. 3–4].

В литературе отмечается, что в системе правового регулирования миграционных процессов особое место занимают размещенные в ст. 322, 322¹, 324 и 327 УК РФ уголовно-правовые нормы, образующие институт ответственности за преступления, так или иначе связанные со сферой миграционных отношений.

Эффективное функционирование этого института предполагает необходимость дальнейшей оптимизации его предписаний путем: а) дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков за счет выделения в качестве квалифицированного состава в ст. 327 УК РФ подделки удостоверения или иного официального документа, совершенной в целях сбыта; б) усиления уголовной ответственности за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков и организацию незаконной миграции [19, с. 11].

7. Среди проблем понимания и квалификации преступлений против установленного порядка ведения, изготовления и обращения официальной документации, государственных наград и средств идентификации наибольшее внимание уделяется определению понятия «официальный документооборот» и связанного с ним феномена информационных преступлений.

При этом справедливо подчеркивается, что предметом уголовно-правовой охраны является не совокупность информационных ресурсов в сфере обеспечения порядка управления, а охраняемая государством официальная информация, содержащая сведения о фактах, имеющих юридическое значение, созданная уполномоченным государством-производителем (юридическим или физическим лицом) и подчиняющаяся определенному правовому режиму оборота [20, с. 9].

В свою очередь, высказано заслуживающее внимания суждение о том, что приобретение, сбыт официальных документов (ст. 324 УК РФ), а также повреждение, сокрытие официальных документов, штампов или печатей (ч. 1 ст. 325 УК РФ) «не обладают реальной общественной опасностью», а указанные статьи «не имеют практического применения». Поэтому ст. 324 и 325 УК РФ необходимо декриминализовать, а содержащиеся в них деяния — признать административными правонарушениями [20, с. 14].

8. Одной из наиболее популярных в литературе тем является проблема квалификации *самоуправства* как иного преступления против порядка управления. Авторы говорят о том, что российский законодатель отошел от традиционного и «исторически сложившегося в мировой

практике» уголовно-правового понятия самоуправства. Он исключил из него самый существенный признак этого преступления, а именно реализацию виновным «своего действительно или предполагаемого права». В результате само понятие самоуправства, содержащееся в ст. 330 УК РФ, не только породило трудности в юридическом анализе этого состава, но и создало сложности в правоприменительной практике при квалификации конкретных фактов проявления самоуправства, установлении совокупности преступлений в случае применения виновным в совершении самоуправных действий различной степени насилия к потерпевшему, при отграничении самоуправства от иных сходных преступлений самоуправного характера [21, с. 3–4].

В литературе справедливо говорится, что по форме противоправного воздействия самоуправное поведение характеризуется не только действиями, связанными с реализацией своих прав, но и бездействием, при котором лицо не выполняет возложенные на него юридические обязанности. При этом «самовольность» действий (бездействия) выступает необходимым признаком преступления, предусмотренного ст. 330 УК РФ.

Именно поэтому самоуправство может выражаться: а) в «самовольном» осуществлении своего предполагаемого права; б) «самовольном» осуществлении своего действительно права; в) ином «самовольном» поведении, противоречащем установленному законом или иным нормативно-правовым актом порядку, правомерность которого оспаривается. Также ряд авторов считают, что использование законодателем признака «оспариваемости организацией или гражданином самоуправных действий» противоречит принципу материального характера уголовного права, не способно отразить истинную общественную опасность уголовно наказуемого самоуправства, поэтому данный

признак необходимо изъять из действующей редакции ст. 330 УК РФ [22, с. 7–8].

Следует отметить правильную мысль о том, что в условиях существования права на самозащиту (когда «твердо установленного порядка по защите своего права просто не существует, ибо самозащита гражданских прав осуществляется в пределах принципа диспозитивности, провозглашенного ГК РФ») теряет смысл установление уголовной ответственности за самоуправное «нарушение порядка осуществления своего права». Наступление уголовной ответственности за самоуправство справедливо предлагается увязывать с «заведомо незаконным нарушением чужого права либо превышением пределов самозащиты гражданских прав, если это повлекло причинение определенного ущерба гражданам или юридическим лицам» [23, с. 11].

Наконец, заслуживает поддержки предложение о введении в УК РФ поощрительной нормы — примечания к ст. 330, в силу которого лицо, совершившее акт самоуправства, освобождается от уголовной ответственности, если оно «устранило последствия нарушенного права» (т.е. загладило вред) и «не причинило вреда здоровью потерпевшего» [24, с. 9–10].

Однако последнее условие представляется излишним. Так как даже квалифицированный вид самоуправства (в действующей редакции УК РФ) предусматривает самое строгое наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет, то максимально допустимый объем реально причиненного насилия может быть выражен в причинении вреда здоровью средней степени тяжести. Исходя из категориальной принадлежности этого преступления, а также условий применения ст. 76 УК РФ для применения возможной нормы об освобождении от уголовной ответственности за самоуправство будет достаточно выполнения условия в виде возмещения (заглаживания) причиненного вреда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bannon J. Assaults against police officers: a sociological study of the determination of the situation : thesis ... degree Ph.D / J. Bannon. — Wayne Univ. at Detroit, 1976.
2. Boylen M. Assaults on United States law enforcement officers : thesis ... degree Ph.D / M. Boylen. — Univ. of North Carolina at Charlotte, 1988.
3. Margarita M.C. Criminal violence against police : thesis ... degree Ph.D / M.C. Margarita. — State Univ. of New York at Albany, 1981.
4. Westrick A.J. Surviving «fatal» encounters: An analysis of violence involving police officers wearing body armor, their situational definitions, interactional experience and symptoms of posttraumatic stress disorder : thesis ... degree Ph.D / A.J. Westrick. — Washington DC, 1999.

5. Wilson S. Determining the correlates of police victimization: an analysis of social disorganization and organizational level factory on injuring assaults : thesis ... degree Ph.D / S. Wilson. — Univ. of Nebraska, 2006.
6. Bixter T. An exploratory study of assaults on police officers : thesis ... degree Ph.D / T. Bixter. — Oklahoma State Univ., 1976.
7. Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления: общая характеристика, вопросы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Р. Саруханян. — Ставрополь, 2002. — 21 с.
8. Наумов А.В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. / А.В. Наумов. — 5-е изд. — М. : Волтерс Клувер, 2011. — Т. 1 : Общая часть. — 768 с.
9. Егиазарян Н.А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Егиазарян. — М., 2013. — 27 с.
10. Рудый Н.К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.К. Рудый. — М., 2008. — 38 с.
11. Лопашенко Н.А. Об уголовной политике и уголовном законе (грустные размышления о невеселой материи) / Н.А. Лопашенко // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 3. — С. 64–76.
12. Романова А.М. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Романова. — Казань, 2008. — 25 с.
13. Третьяков К.В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К.В. Третьяков. — Самара, 2010. — 15 с.
14. Сапелкина Е.Н. Преступления, связанные с нарушением порядка исполнения наказания и процессуального приращения в виде изоляции от общества (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Н. Сапелкина. — Ростов н/Д, 2006. — 26 с.
15. Демина О.А. Уголовно-правовое регулирование ответственности за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ): состояние и перспективы совершенствования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Демина. — Саратов, 2009. — 26 с.
16. Соколов Д.А. Криминологическая характеристика организации незаконной миграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Соколов. — М., 2013. — 26 с.
17. Морин А.В. Влияние миграционных процессов на криминальную ситуацию в России (на материалах Приволжского федерального округа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Морин. — Н. Новгород, 2008. — 28 с.
18. Кахбулаева Э.Х. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.Х. Кахбулаева. — Ростов н/Д, 2011. — 27 с.
19. Предыбайло В.А. Криминологическая характеристика и профилактика незаконной миграции в России (общегосударственный и региональный аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Предыбайло. — М., 2012. — 21 с.
20. Букалорова Л.А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления: законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л.А. Букалорова. — М., 2006. — 65 с.
21. Григорян А.С. Ответственность за самоуправство по уголовному законодательству России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Григорян. — Ставрополь, 2002. — 26 с.
22. Титенков И.П. Уголовная ответственность за самоуправство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.П. Титенков. — Красноярск, 2009. — 22 с.
23. Ванев С.У. Уголовная ответственность за самоуправство по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.У. Ванев. — М., 2006. — 25 с.
24. Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Артюшкина. — Саратов, 2012. — 27 с.

REFERENCES

1. Bannon J. *Assaults against police officers: a sociological study of the determination of the situation. Thesis ... degree Ph.D.* Wayne University at Detroit, 1976.
2. Boylen M. *Assaults on United States law enforcement officers. Thesis ... degree Ph.D.* University of North Carolina at Charlotte, 1988.
3. Margarita M.C. *Criminal violence against police. Thesis ... degree Ph.D.* State University of New York at Albany, 1981.
4. Westrick A.J. *Surviving «fatal» encounters: An analysis of violence involving police officers wearing body armor, their situational definitions, interactional experience and symptoms of posttraumatic stress disorder. Thesis ... degree Ph.D.* Washington DC, 1999.
5. Wilson S. *Determining the correlates of police victimization: an analysis of social disorganization and organizational level factory on injuring assaults. Thesis ... degree Ph.D.* University of Nebraska, 2006.
6. Bixter T. *An exploratory study of assaults on police officers: Thesis ... degree Ph.D.* Oklahoma State University, 1976.
7. Sarukhanyan A.R. *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: obshchaya kharakteristika, voprosy kvalifikatsii. Avtoref. Kand. Diss.* [Crimes against the order of governance: general description, issues of qualification. Cand. Diss. Thesis]. Stavropol, 2002. 21 p.
8. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. 5th ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2011. Vol. 1. 768 p.
9. Егиазарян Н.А. *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya v ugovnom prave Armenii i Rossii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie). Avtoref. Kand. Diss.* [Crimes against the order of governance in the Criminal Law of Armenia and Russia (a comparative legal study). Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2013. 27 p.
10. Rudyi N.K. *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya, posyagayushchie na sluzhebnyuyu deyatelnost' i lichnost' predstavitelei vlasti: sravnitel'nyi analiz zakonodatel'stva Rossii i stran SNG. Avtoref. Dokt. Diss.* [Crimes against the order of governance

encroaching upon the official activities and personality of those representing power: a comparative analysis of Russian and CIS legislation. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2008. 38 p.

11. Lopashenko N.A. On criminal policy and criminal statute: recent trends (sad reflections on gloomy matters). *Biblioteka kriminalista = A Criminologist's library*, 2014, no. 3, pp. 64–76. (In Russian).

12. Romanova A.M. *Posyagatel'stvo na zhizn' sotrudnika pravookhranitel'nogo organa. Avtoref. Kand. Diss.* [Assaults upon police officers' lives. Cand. Diss. Thesis]. Kazan, 2008. 25 p.

13. Tret'yakov K.V. *Ugolovnaya otvetstvennost' za nasilie v otnoshenii predstavatelya vlasti. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal liability for assaults against the representatives of power. Cand. Diss. Thesis]. Samara, 2010. 15 p.

14. Sapelkina E.N. *Prestupleniya, svyazannye s narusheniem poryadka ispolneniya nakazaniya i protsessual'nogo prinuzhdeniya v vide izolyatsii ot obshchestva (ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty). Avtoref. Kand. Diss.* [Crimes violating the order of execution of a punishment and the procedural constraint of incarceration (criminal law and criminological aspects). Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2006. 26 p.

15. Demina O.A. *Ugolovno-pravovoe regulirovanie otvetstvennosti za dezorganizatsiyu deyatel'nosti uchrezhdenii, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva (st. 321 UK RF): sostoyanie i perspektivy sovershenstvovaniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal law regulation of liability for disrupting the activities of penitentiary institutions (Art. 321 of the Criminal Code of the Russian Federation): condition and prospects for improvement. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2009. 26 p.

16. Sokolov D.A. *Kriminologicheskaya kharakteristika organizatsii nezakonnoi migratsii. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminological characteristics of illegal migration. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2013. 26 p.

17. Morin A.V. *Vliyaniye migratsionnykh protsessov na kriminal'nuyu situatsiyu v Rossii (na materialakh Privolzhskogo federal'nogo okruga). Avtoref. Kand. Diss.* [The impact of migration processes on the criminal situation in Russia (using the materials of Privolzhskiy Federal District). Cand. Diss. Thesis]. Nizhny Novgorod, 2008. 28 p.

18. Kakhbulaeva E.Kh. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty organizatsii nezakonnoi migratsii. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal law and criminological aspects of organizing illegal migration. Cand. Diss. Thesis]. Rostov-on-Don, 2011. 27 p.

19. Predybaio V.A. *Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika nezakonnoi migratsii v Rossii (obshchefederal'nyi i regional'nyi aspekty). Avtoref. Kand. Diss.* [Criminological characteristics and prevention of illegal migration in Russia (federal and regional aspects). Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2012. 21 p.

20. Bukalerova L.A. *Informatsionnye prestupleniya v sfere gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: zakonotvorcheskies i pravoprimenitel'nye problemy. Avtoref. Dokt. Diss.* [Cybercrimes in the sphere of state and municipal governance: lawmaking and law enforcement issues. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2006. 65 p.

21. Grigoryan A.S. *Otvetstvennost' za samoupravstvo po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossii. Avtoref. Kand. Diss.* [Liability for arbitrariness according to Russian criminal legislation. Cand. Diss. Thesis]. Stavropol, 2002. 26 p.

22. Titenkov I.P. *Ugolovnaya otvetstvennost' za samoupravstvo. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal liability for arbitrariness. Cand. Diss. Thesis]. Krasnoyarsk, 2009. 22 p.

23. Vaneev S.U. *Ugolovnaya otvetstvennost' za samoupravstvo po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal liability for arbitrariness in Russian legislation. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2006. 25 p.

24. Artyushkina S.V. *Samoupravstvo: teoreticheskie i pravoprimenitel'nye aspekty. Avtoref. Kand. Diss.* [Arbitrariness: theoretical and law enforcement aspects. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2012. 27 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кибальник Алексей Григорьевич — заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, г. Ставрополь, Российская Федерация; e-mail: 13kln@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kibalnik, Aleksey G. — Head, Criminal Law and Process Department, North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, Stavropol, the Russian Federation; e-mail: 13kln@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кибальник А.Г. Сложности в понимании преступлений против порядка управления / А.Г. Кибальник // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 475–482. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).475-482.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kibalnik A.G. The complexity of understanding crimes against the order of governance. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 475–482. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).475-482. (In Russian).